

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Г Л А В А V.

Русскія дѣла въ Туркестанѣ.

долженъ прервать нить моего разсказа, чтобъ поговорить о случаѣ, не лишенномъ интереса и значенія.

Этотъ случай интересенъ для насъ потому, что въ первый разъ въ это время Ольга Алексѣевна и г-нъ Гладстонъ дѣятельно сотрудничали, чтобъ вліять на общественное мнѣніе Англіи въ пользу Россіи.

Письмо Гладстона отъ 1-го октября, содержаніе котораго было приведено въ послѣдней главѣ, за исключеніемъ послѣдняго параграфа, въ которомъ онъ коснулся вопроса, возбудившаго горячія пренія: Гладстонъ ихъ велъ съ своей стороны, а газета „Pall Mall Gazette“ была во главѣ съ другой стороны.

Г-жа Новикова въ своемъ письмѣ упомянула о трудностяхъ пролить лучъ правды на нѣкоторые факты; г. Гладстонъ отвѣчалъ:

„Я очень желаю отстранить отъ васъ одно ошибочное понятіе. Въ Англіи каждый имѣетъ право быть выслушаннымъ. Никакія жестокости, англійскія, русскія, или другія, не могутъ быть скрыты. Я съ своей стороны скажу: помоги Богъ всякому, кто изобличитъ ихъ, въ особенности, если онѣ касаются Англіи.

„Въ настоящую минуту я главнымъ образомъ занятъ чтеніемъ „Туркестанъ“, Скайлеръ. Исправить его не въ моихъ силахъ, но я

¹⁾ См. „Русская Старина“ май 1910 г.

желаю знать и долженъ сообщить въ слѣдующемъ „Современномъ обозрѣніи“ („Contemporary Review“), были ли ложными его показанія и насколько. Если вы имѣете возможность дать мнѣ немедленно средства исправить какую бы то ни было его ошибку, я буду вамъ очень признателенъ. Но съ этимъ надо торопиться, такъ какъ моя статья должна быть отправлена на дняхъ“.

Намекъ въ этомъ письмѣ касается попытки туркофильской прессы, преимущественно „Pall Mall Gazette“, противопоставить возбужденіе, вызванному жестокостями турокъ, возбужденію жестокостями, приписываемыми русскимъ въ Средней Азій. Г-нъ Шиллеръ только что издалъ свою книгу въ Туркестанѣ, въ которой онъ заявляетъ, что послѣ взятія Хивы, генераль Головачевъ далъ слѣдующій приказъ войскамъ, посылаемымъ покорить туркменовъ:

„Всѣхъ ихъ убивайте, безъ пощады пола или возраста“. Шиллеръ увѣряетъ, что казаки входили въ такой азартъ, что рѣзали безъ различія: ребенка и старика.

„Это дало сильные аргументы въ руки враговъ Россіи и „Pall Mall Gazette“, издаваемой въ то время г. Гринвудомъ,—продолжалъ г. Гладстонъ.

Ольга Алексѣевна немедленно отозвалась на это желаніе, обратясь съ просьбой къ русскому военному агенту въ Лондонѣ, генералу Горлову, доставить г-ну Гладстону желаемыя имъ свѣдѣнія. Генераль Горловъ прислалъ ей меморандумъ, который она отправила въ Гоуварденъ съ замѣчаніемъ, что она боялась затрудненій помѣстить его въ какую бы то ни было англійскую газету. 20-го октября Гладстонъ отвѣчалъ:

„Будьте увѣрены, что ваши опасенія лишены основанія. Всякое объясненіе любого русскаго офицера или частнаго лица по вопросу о Туркменскомъ походѣ будетъ услышано. Я наведу справки. Присланный меморандумъ я прочиталъ съ большимъ интересомъ. Много изъ него я уже записалъ себѣ на память. Въ виду предстоящей критики моя обязанность назвать вамъ тотъ пунктъ, который теперь нуждается въ подкрѣпленіи. Я говорю о (Шиллеръ 11,—356) упомянутомъ приказѣ № 1167, помѣченномъ Хива 6/18 о поголовномъ истребленіи туркменовъ и ихъ семействъ. Не знаю, вѣрно ли переведенъ оригиналь. Генераль Горловъ утверждаетъ, что этотъ приказъ не былъ исполняемъ. „Какъ же такъ? вѣдь Скайлеръ увѣряетъ, что приказъ убивать женщинъ и дѣтей“ былъ данъ (стр. 8).

Этотъ вопросъ можетъ разъясниться со временемъ. Вѣроятно, генераль Горловъ хочетъ сказать, что у него нѣтъ подъ рукой, въ данную минуту, документальныхъ доказательствъ, но онъ не вѣ-

рить въ существованіе приказа и думаетъ, что даетъ основательное опроверженіе.

„Надѣюсь быть у васъ во вторникъ въ три часа.

Вашъ искренно Гладстонъ“.

„Вы, не правда ли, того мнѣнія, что генераль Горловъ разрѣшить подѣ статьей—подписать его фамилію? Попытаюсь удержать Вашъ пакетъ до послѣ завтра“.

Черезъ два дня онъ пишетъ опять: у него было тяжелое воскресное дѣло: окончаніе статьи для „Contemporary Review“ о русскихъ дѣлахъ въ Туркестанѣ“, но это дѣло правды и милосердія.

„Возвращаю Вамъ рукопись генерала Горлова, которой я очень воспользовался для статьи, мною назначенной черезъ десять дней къ печати.

Англійскій языкъ меморандума генерала Горлова очень ясенъ и производитъ впечатлѣніе, онъ нуждается въ самыхъ ничтожныхъ поправкахъ формъ. Онъ долженъ бы, мнѣ кажется, быть опубликованъ подѣ его именемъ и съ его разрѣшенія. Я Вамъ говорилъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ о его помѣщеніи. Я думаю, его бы приняли „Daily News“, а можетъ быть и „Times“. Я могъ бы спросить издателя „Daily News“, но думаю, было бы лучше, если бы генераль Горловъ лично отъ себя спросилъ издателя, котораго онъ считаетъ самъ болѣе подходящимъ.

„Надѣюсь привезти Вамъ оттискъ моей статьи. Полагаю, что Вы ее найдете справедливой. Я также полагаю, что Скайлеръ ошибается на счетъ приказа. Но „Pall Mall Gazette“ говоритъ, что онъ отлично знаетъ русскій языкъ. Свою статью я кончаю нападеніемъ на „Pall Mall“.

23-го октября Гладстонъ телеграфируетъ ей:

„Телеграмму получилъ, не могу противорѣчить. Очень счастливъ быть у Васъ, надѣюсь около трехъ“.

Онъ пріѣхалъ въ Euston въ четверть третьяго и отправился съ своимъ дорожнымъ мѣшкомъ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ.

Г-жа Новикова и онъ сразу окунулись въ medias res. Представилось затрудненіе въ напечатаніи письма. Генераль Горловъ былъ совершенно согласенъ подписать его; этому воспротивился графъ Шуваловъ. Безъ подписи трудно было его помѣстить, но необходимо было, чтобы оно появилось прежде, чѣмъ появится въ „Contemporary“ статья г-на Гладстона, оттиски которой онъ привезъ Ольгѣ Алексѣевнѣ 23-го октября, въ которой онъ ссылается на сообщенія генерала Горлова.

Изобрѣтательность и находчивость Гладстона не обманули его. Онъ послалъ рукопись Горлова редактору „Daily News“ съ просьбой ее напечатать, сопровождая ее словами:

„Хотя это письмо анонимное, но мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, что оно происходитъ изъ весьма авторитетнаго источника“.

Г-жа Новикова также видѣлась съ редакторомъ въ своемъ отелѣ и сообщила ему, что Гладстонъ очень заинтересованъ письмомъ генерала Горлова.

Въ оттискахъ своей статьи въ „Contemporary Review“ Гладстонъ упомянулъ о письмѣ, написанномъ Горловымъ, но, узнавъ, что этому противится Шуваловъ, онъ измѣнилъ свое выраженіе. Онъ такъ сказалъ въ защиту Кауфмана:

„Я нахожу подтвержденіе моихъ словъ въ письмѣ недавно напечатанномъ въ „Daily News“ за подписью „Русскій“ (A Russian), которое по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ одного моего друга, разрѣшено генераломъ Горловымъ, русскимъ военнымъ агентомъ въ Лондонѣ“.

„Письмо это появилось въ „Daily News“ 27-го октября, это нужно замѣтить потому, что въ этотъ день джингоистская пресса бросила тѣнь на добросовѣстность Гладстона въ этомъ дѣлѣ ¹⁾).

Теперь это старая исторія, но она интересна уже потому, съ какой силой Гладстонъ обрушился на „Pall Mall Gazette“, газету, которая въ то время, какъ я замѣтилъ однажды г-ну Гладстону, была недобросовѣстной монополіей туркофильской партіи. Заключительныя строки статьи Гладстона пробуждаютъ эхо прошедшихъ битвъ.

¹⁾ Лондонскій корреспондентъ „Glasgow News“ сказалъ: генераль Горловъ, желая отличиться, по своему честолюбію, былъ намѣренъ подписать своей фамиліей письмо, но его болѣе осторожный начальникъ, графъ Шуваловъ, запретилъ ему это. Тогда былъ уговоръ между г-жей Новиковой, г-мъ Гладстономъ и генераломъ Горловымъ, чтобы два письма были посланы въ „Daily News“, первое съ подписью Русскій (A Russian), второе съ подписью „Другой Русскій“ (another Russian), это послѣднее написано г-жей Новиковой, и чтобы Гладстонъ сослался на эти письма въ своей статьѣ, въ „Contemporary Review“, какъ на доказательство, подтверждающее его отрицаніе русскихъ жестокостей въ Туркестанѣ. Такимъ образомъ очевидно, что письма, которыя г-нъ Гладстонъ будто бы нашелъ въ „Daily News“, были въ дѣйствительности помѣщены имъ самимъ, потому что онъ опубликовалъ письмо ранѣе, чѣмъ послать его въ эту газету, и слѣдуетъ замѣтить, что „другъ“, о которомъ онъ случайно упоминаетъ, какъ о сообщавшемъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія, не кто иной, какъ г-жа Новикова, которой принадлежитъ честь обращенія г-на Гладстона, судя по дипломатическимъ сплетнямъ.

„Разоблачать жестокость хорошо, но есть другія свойства, кромѣ жестокости, которыя должны быть разоблачаемы, и между ними отъявленное мошенничество совѣтника, которому довѣряютъ или который, по его собственнымъ словамъ, отвѣтствененъ. Ложь даже съ благонамѣренной цѣлью дурна и низка. Она не вызоветъ слезъ за туркменовъ, хотя бы они были въ иномъ случаѣ заслуженными: она имѣетъ цѣлью сѣять раздоръ съ рискомъ кровопролитія, и цѣль, какъ и средство, стоятъ одна другою“.

„Статья, писалъ Гладстонъ, можетъ надѣлать много шума, ибо рѣдко случается, чтобъ газету обвиняли, какъ я это дѣлаю, въ прямомъ мошенничествѣ и лжи“.

30-го октября Гладстонъ писалъ: „Прощайте, и да поможетъ Богъ въ каждомъ усилии освободить Боснію, Герцоговину и Болгарію отъ турецкаго правительства. Надѣяться на это составляетъ желаніе и молитву народа этой страны“.

3-го ноября Гладстонъ писалъ:

„Вы прочтете отвѣтъ мнѣ „Pall Mall Gazette“. По моему мнѣнію онъ только увеличиваетъ ея позоръ.“

„Меня обвиняютъ въ томъ, что я слишкомъ преданъ Россіи, но это невѣрно, я ей завидую, потому что вся честь освободительной работы предоставлена вамъ. Я чувствую себя униженнымъ, потому что наши лондонскія газеты, или большинство ихъ, довольствуются тѣмъ, что лаютъ и ворчатъ на васъ, какъ дворняжки на прохожаго по улицѣ, не смѣя даже его укусить за пятку.“

„Это мнѣ больно. Это для моего вкуса самый горькій плодъ дизраелизма“.

Черезъ три дня онъ пишетъ:

„Я былъ очень доволенъ ругательнымъ отвѣтомъ „Pall Mall Gazette“. Они меня обвиняютъ въ упущеніи не факта, а просто мнѣнія Скайлера, которое, собственно говоря, очень нелѣпо“.

Этотъ случай интересенъ тѣмъ, что онъ побудилъ Ольгу Алексѣвну написать первое письмо въ англійскую газету. Оно было адресовано въ „Daily News“ (Ежедневныя Новости) по поводу анонимнаго письма генерала Горлова. Прежде чѣмъ его отправить, Ольга Алексѣвна послала его Гладстону. Онъ возвратилъ ей письмо съ замѣчаніемъ:

„Не нахожу никакого возраженія противъ Вашего письма, которое возвращаю“.

Письмо было слѣдующаго содержанія.

Лондонъ, 26 октября 1876 г.

„Издателю „Daily News“.

Милостивый Государь. Мало найдется русскихъ, которые не выразили бы Вамъ благодарности за напечатаніе вчерашняго письма, касающагося нѣкоторыхъ заявленій г-на Скайлера, которыя многими приводились, какъ доказательство русской жестокости.

„Сказать, или допустить, одно слово въ пользу Россіи почти геройство, имѣющее для насъ прелесть новизны.

„Но нѣкоторые читатели въ Англии, повидимому, выводятъ странныя заключенія изъ вышеозначеннаго письма. Вы можетъ быть будете такъ добры, что разрѣшите мнѣ нѣсколько замѣчаній по этому поводу.

„Говорятъ и повторяютъ, что если мы отрицаемъ вѣрность заявленій Скайлера относительно нашей Средне-Азіатской политики, то мы не имѣемъ права принимать за истину его отчеты о болгарскихъ жестокостяхъ.

„Совершенно вѣрно, что мы безъ всякаго колебанія приняли его донесенія, но это потому, что они вполне согласовались съ тѣмъ, что намъ уже было извѣстно о турецкихъ безчинствахъ. Если бѣ англійская печать, вмѣсто того, чтобъ ограничиваться переводомъ нелѣпныхъ пасквилей (такъ сильно порицаемыхъ общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи), сооблаговолила слѣдить за тѣмъ, что писалось во всѣхъ русскихъ газетахъ съ самаго начала славянскаго возстанія, она была бы вполне приготовлена къ разоблаченіямъ „Daily News“ и Скайлера.

„Услуга, оказанная послѣднимъ въ столь дорогомъ дѣлѣ для каждаго русскаго, дѣлаетъ весьма неприятной и даже тяжелой необходимость обратить вниманіе на нѣкоторыя его ошибки по отношенію къ намъ. Попытки сравнивать Россію съ Турціей—недостойны англійской печати.

„Россія не желаетъ покорить христіанскія княжества. Все величіе теперешняго движенія русскихъ въ защиту ихъ угнетаемыхъ братьевъ исчезла бы, если бы ихъ цѣль была матеріальная и низкая. Русскіе, сражающіеся за своихъ единовѣрцевъ, знаютъ прекрасно, что ихъ ожидаютъ только лишенія и жертвы. Если мы не можемъ имъ подражать на дѣлѣ, будемъ по крайней мѣрѣ цѣнить ихъ.

Другой Русскій“.

23-го ноября въ заключеніи длиннаго письма (см. предыдущую главу) Гладстонъ говоритъ:

„Одно слово еще, касаясь стараго спора о Туркестанѣ.

„Нельзя ли добыть въ Военномъ Министерствѣ въ Петербургѣ приказъ генерала Кауфмана, и нельзя ли добиться чего-либо отъ Громова? Скорое и хорошее объясненіе произвело бы подавляющее дѣйствіе“.

Меня поражало нетерпѣніе Гладстона на равнодушіе русскихъ властей къ клеветѣ ихъ враговъ. „Говорятъ? пусть говорятъ“— часто бываетъ девизомъ русскаго правительства.

Какъ часто я приходилъ въ ярость отъ ихъ небрежности, отъ недостатка энергіи воспользоваться случаемъ, чтобы дать врагу сильный отпоръ.

Политика была жестокая. Г-нъ Фриманъ свелъ итогъ всѣхъ пререканій, когда онъ писалъ:

„Если каждая европейская нація будетъ осуждать всякое дурное дѣло другой націи, никто не выйдетъ съ чистыми руками. Но относительно Туркестантскихъ сплетенъ, что я могу сдѣлать? Я не имѣю средствъ подтвердить, или отвергнуть, показанія Скайлера. Я могу только привести логическіе доводы. Правдивы они или ложны, они чужды настоящему вопросу“.

Г Л А В А VI.

Константинопольская конференція.

Сентъ-Джемская конференція дала лорду Солизбери дружелюбное направленіе. Руководствомъ всего положенія стало содѣйствіе Англии и Россіи въ сдерживаніи турокъ. По пріѣздѣ своемъ въ Константинополь лордъ Солизбери нашелъ русскаго посланника готовымъ встрѣтить его съ распростертыми объятіями.

Лордъ Солизбери выѣхалъ въ Турцію съ разными предубѣжденіями и подозрѣніями относительно генерала Игнатьева. За нѣсколько мѣсяцевъ до его отъѣзда каждая почти газета въ Лондонѣ была наполнена жестокими извѣтами на русскаго посланника. Лордъ Солизбери получилъ понятіе о генералѣ Игнатьевѣ, какъ о настоящемъ Макиавели, который будетъ главнымъ его противникомъ на конференціи. Но какъ только онъ пріѣхалъ въ Константинополь и увидалъ Игнатьева, его подозрѣнія разсѣялись, и онъ вошелъ въ самыя искреннія отношенія съ человѣкомъ, противъ котораго онъ предполагалъ стать во враждебныя.

По словамъ генерала Игнатьева, перемѣна произошла очень просто и самымъ естественнымъ образомъ. Онъ встрѣтилъ лорда Солизбери, на обѣдѣ, вскорѣ послѣ его пріѣзда, и англійскій упол-

номоченный въ разговорѣ замѣтилъ своему русскому vis-à-vis: „я слышу, что вы ужасный человекъ, что у васъ множество шпионовъ и агентовъ вездѣ на Востокѣ“. Игнатьевъ отвѣтилъ: „совершенно вѣрно, у меня много помощниковъ. Но кто они? я бы желалъ, чтобы вы поѣхали въ провинціи и сами увидали моихъ агентовъ. Наемныхъ агентовъ у меня нѣтъ; ни рубля не трачу я за помощь, но вы убѣдитесь, что каждый сражающійся за свое отечество, за свою вѣру, каждый борющійся за свободу, на этихъ земляхъ, мнѣ другъ, мой агентъ, мой помощникъ. Такихъ я имѣю тысячи—да, двадцать тысячъ, и въ нихъ моя сила. А вы поддерживаєте дикость и тираннію турокъ“.

Не по вкусу это замѣчаніе было лорду Солизбери, но правота его, повидимому, задѣла его за живое. При второй встрѣчѣ генералъ Игнатьевъ замѣтилъ въ немъ все еще подозрительность и антагонизмъ. „Но“, сказалъ онъ: „лордъ Солизбери трудолюбивый человекъ, и я также. Когда я увидѣлъ, что онъ старается узнать истину, я далъ въ его распоряженіе всѣ мои бумаги и помогаль ему во всемъ, какъ только могъ. Не вѣрьте тому, что я говорю, я ему сказалъ, пока вы не провѣрите и не убѣдитесь сами, тогда вы увидите, правду ли я говорю“. Лордъ Солизбери принялъ вызовъ и результатомъ его остался доволенъ. Генералъ Игнатьевъ далъ ему меморандумъ на турецкую конституцію. Лордъ Солизбери его прочиталъ, сказалъ ему, что удовлетворенъ его правильностью, и что турки дѣйствительно лгали. Съ той поры онъ ничего не имѣлъ противъ генерала Игнатьева, когда тотъ ему сказалъ своимъ простымъ прямымъ тономъ: „теперь вы должны рѣшить, хорошій ли вы христіанинъ, или вы хорошій турокъ. Если вы рѣшили быть хорошимъ христіаниномъ, я приму вашу программу, какъ собственную и во всемъ буду честно васъ поддерживать, но если вы за турецкую тираннію, я возьму русскую программу и буду настаивать на ней всѣми силами. Это конечно будетъ несравненно хуже для турокъ. „Лордъ и лэди Солизбери были добрые христіане, на этомъ именно мы и сошлись, сказалъ мнѣ генералъ Игнатьевъ. Я зналъ прекрасно всѣ его качества и недостатки. Онъ впечатлителенъ и пылокъ, я склонилъ эти качества въ мою сторону вмѣсто того, чтобы они были противъ меня, и я успѣлъ. Но успѣлъ я потому, что я дѣйствовалъ такъ, какъ говорилъ, честно и вѣрно, поддерживая его. Я его не смѣшивалъ“, сказалъ онъ, употребляя странное выраженіе. „Я говорилъ правду и дѣйствовалъ прямо. Если вы посмотрите на протоколы конференціи, вы убѣдитесь, что я его всегда поддерживалъ. Нельзя быть болѣе умѣреннымъ, болѣе миролюбивымъ, чѣмъ былъ я. Конференція не достигла цѣли благодаря сѣру

Генри Эллиоту, Биконсфильду и Бисмарку, но никакъ не лорду Солизбери, или мнѣ“.

Во время конференціи энергичная попытка была сдѣлана, чтобъ ограничить пространство, которое надѣлялось автономными учрежденіями, сѣверомъ Балканъ. Генеральъ Игнатъевъ немедленно обратился къ лорду Солизбери и сказалъ ему: „что скажутъ въ Англіи, гдѣ возникла мысль о конференціи, въ отвѣтъ на агитацію Гладстона противъ жестокостей, совершенныхъ на югѣ Балканъ, если конференція будетъ покровительствовать болгарамъ сѣверныхъ Балканъ, которые не пострадали, и не позаботится о тѣхъ, надъ которыми происходили жестокости“? Лордъ Солизбери сейчасъ же согласился съ справедливостью этого возраженія и настаивалъ въ конференціи на распространеніи автономіи на всю территорію, занимаемую болгарами. То, что называется Великой Болгаріей Санъ-Стефано, не что иное, какъ болѣе точное и ученое опредѣленіе той площади, которую лордъ Солизбери обозначалъ Болгаріей на конференціи.

Лордъ Солизбери вмѣстѣ съ генераломъ Игнатъевымъ были творцы той Великой Болгаріи, для разрушенія которой лордъ Солизбери, годъ позже, почти ввергнулъ было Англію въ войну съ Россіей.

Дружба между генераломъ Игнатъевымъ и лордомъ Солизбери длилась непрерывно до роспуска конференціи. Впрочемъ, это преждевременно говорить. Для насъ интересъ въ Лондонѣ, а не въ Константинополѣ.

Генеральъ Черняевъ, послѣ геройскихъ усилій держать въ страхѣ турецкую армію, сбродомъ сербской милиціи, подкрѣпленнымъ четырьмя тысячами русскихъ волонтеровъ, пріѣхалъ въ Лондонъ въ декабрѣ. Онъ жилъ въ той же гостиницѣ, Саймондсъ на Brook Street, гдѣ жила Ольга Алексѣевна сдѣлавшейся главной квартирой неофициальной Россіи, на которую смотрѣла не совсѣмъ дружелюбно официальная Россія.

Генеральъ Черняевъ видѣлъ многихъ убѣжденныхъ противниковъ Турціи, но упустилъ случай съ извѣстнымъ историкомъ и славянофиломъ Фриманъ къ обоюдному ихъ сожалѣнію.

Забавный инцидентъ произошелъ во время его пребыванія въ Лондонѣ. Каррикатуристъ журнала „Ярмарка Тщеславія“ (Vanity fair) просилъ Черняева позировать; Черняевъ отказалъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ. „Негодяй имѣлъ наглость сказать мнѣ, объявилъ онъ, что онъ имѣетъ особенное желаніе, чтобъ я позировалъ, потому что лицо мое превосходно поддается каррикатурѣ! Какъ вамъ это нравится? такъ что просьба особенно была забавна“. Черняевъ

не былъ красивъ. Среди разныхъ споровъ профессоръ Тиндаль оставался безстрастнымъ, углубленный въ науку. Въ его перепискѣ не видно увлеченія ни къ славянину, ни къ турку. Но онъ былъ доволенъ успѣхомъ конференціи въ Сентъ-Джемсъ-Голъ, такъ какъ онъ думалъ, что она послужила утѣшеніемъ его другу, г-жѣ Новиковой. Хотя онъ не былъ особеннымъ врагомъ турокъ, тѣмъ не менѣе онъ устроилъ въ декабрѣ свиданіе Ольги Алексѣевны съ Несторомъ нашихъ историковъ и руссофиловъ.

9-го декабря Тиндаль поѣхалъ съ нею въ Cheyne Row, чтобы познакомить ее съ Томасомъ Карлайль. 7-го декабря Тиндаль писалъ: „племянница г-на Карлайль Miss Aitkin, которая такъ заботится о немъ, въ настоящее время, была здѣсь сегодня и сообщила мнѣ, что ваше посѣщеніе въ любой день до трехъ часовъ по полудни доставитъ большое удовольствіе ея дядѣ. Старикъ весьма любезенъ, и самъ бы поѣхалъ къ вамъ вмѣсто того, чтобы васъ приглашать, будь его здоровье крѣпче“. Это посѣщеніе было началомъ дружбы, длившейся до смерти Карлайля ¹⁾).

Г-нъ Гладстонъ возвратился въ Гоуварденъ послѣ Сентъ-Джемской конференціи. 13-го декабря онъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Послѣднія извѣстія, слышанныя мной передъ отъѣздомъ изъ Лондона, были, что турокъ станетъ на дыбы и откажется отъ всего. Независимость его несомнѣнно еле держится, какъ бы ни была неприкосновенна его территорія. Если генераль Игнатъевъ это знаетъ, а если это правда, то онъ знаетъ навѣрное, онъ остережется входить въ споръ съ лордомъ Солизбери, т. е. порвать съ нимъ прежде, чѣмъ убѣдиться въ намѣреніяхъ Порты.

„Я радъ, что существуетъ соревнованіе между ними, но мнѣ не нравится слухъ, что Англія хочетъ предложить отсрочку для выполненія Портою реформъ съ тѣмъ, чтобъ могло быть вмѣша-

¹⁾ Наканунѣ конференціи въ Сентъ-Джемсъ-Голъ Карлайль писалъ: пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ я имѣлъ ясное убѣжденіе, что русскіе были и есть добрый и даже благородный элементъ въ Европѣ. Съ минуты появленія у нихъ Петра они стали преуспѣвать въ развитіи. Въ наше время они послужили Богу и людямъ, научая порядку и миру всѣ анархическіе народы въ ихъ сосѣдствѣ. Нынѣ царствующаго императора Россіи я считаю необыкновенно честнымъ и справедливымъ человѣкомъ, словомъ, я имѣю увѣренность, что русскимъ предстоитъ совершить великія дѣла въ мірѣ и быть очевиднымъ благомъ для ближнихъ прямымъ или косвеннымъ путемъ. Въ 1876 г. онъ сказалъ съ характерной силой: газетные возгласы противъ Россіи не важнѣе для меня, чѣмъ крики въ Бедламѣ, такъ какъ они происходятъ отъ глубокаго невѣжества, эгоизма и жалкой національной зависти.

тельство, если это потребуется. Это предложеніе, по-моему, было бы нелѣпо.

„Епископъ Штросмейеръ пишетъ мнѣ опять. Онъ всецѣло за автономію, какъ единственное удовлетворяющее соглашеніе. Въ этомъ я съ нимъ согласенъ вполне и думаю, что хотя иностранная оккупация можетъ быть нужной мѣрой, это будетъ только шагъ и неудобный шагъ для пути.

„Россия имѣетъ полное основаніе дѣлать существенныя предложенія. Если она ихъ не будетъ дѣлать, можно подумать, что ея политика не въ освобожденіи дѣйствительно христіанъ, а въ томъ, чтобъ поддерживать раздраженіе между ними и Портой, а себѣ оставить открытую дверь для вмѣшательства, когда ей вздумается.

„Пошли, Господи, побѣду правому дѣлу!“

Гладстонъ никогда ничего не дѣлалъ на половину. Мы видимъ въ этомъ письмѣ, что онъ побуждаетъ Россію настаивать на энергичныхъ мѣрахъ. Въ томъ же письмѣ онъ касается и Туркестанскаго вопроса.

„Я это время читалъ „Поѣздка въ Хиву“ капитана Бурнаби. Правы, или виноваты ямудскіе татары, но все же я нахожу, что авторъ плохо излагаетъ свои взгляды. Будь я на мѣстѣ русскаго посланника, я бы зорко слѣдилъ за всѣми такими изданіями съ тѣмъ, чтобы отвѣчать на нихъ, по мѣрѣ надобности. У насъ всегда можно отвѣтить, и эту гласность и равноправіе въ спорахъ я всегда считалъ нашимъ большимъ преимуществомъ передъ другими государствами“.

Ольга Алексѣевна немедленно отвѣтила, спрашивая, какіе рассказы въ прессѣ требовали бы отвѣта, если бъ онъ былъ русскимъ посланникомъ, Гладстонъ отвѣчалъ:

18-е декабря.

„Когда я говорилъ о строгомъ наблюденіи за англійской прессой, съ цѣлью исправленія ея ошибокъ, я не ожидалъ чести преподавать совѣты въ частности и не чувствую себя пригоднымъ для этого. Въ данномъ случаѣ, однако, я бы совѣтовалъ не обращать вниманія на лорда Джонъ Хей, если у васъ нѣтъ подлинныхъ сообщеній, или сильныхъ фактовъ въ рукахъ, которые вы бы могли предъявить со стороны черногорцевъ. Что меня касается, я думаю, что они должны быть ангелы такъ же, какъ и герои, которыми я ихъ считаю. Ясно теперь, что это злополучное турецкое владычество способно повредить всѣмъ племенамъ, съ которыми оно приходитъ въ столкновеніе. Если они останутся кроткими, какъ болгары, они потеряютъ свою бодрость и свое мужество, необходимыя условія для высокихъ достоинствъ народа.

„Жена ѣдетъ въ городъ около 26-го, собственныя мои передвиженія теперь, какъ были всю осень, не опредѣлены. Будьте увѣрены только въ томъ, что я сдѣлаю все, что отъ меня можетъ потребовать великій Восточный вопросъ. Надѣюсь застать васъ еще въ городъ.

„Я читаю Мольте—Кампанія 1829 г., Удивительно интересно“.

Такъ какъ самому Биконсфильду было ясно, что война за турка была отвергаема національнымъ чувствомъ, воинственная партія занялась любимой тактикой науськивать народное мнѣніе противъ Россіи. Набросились на Среднюю Азію, на Сибирь, на Польшу и на евреевъ. Въ декабрь 1887 г. была очередь поляковъ и уніонистовъ.

Туркофильская партія собралась демонстративно въ Страфордъ-Гаусъ въ половинѣ декабря; 22-го декабря Гладстонъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Я огорченъ и нѣсколько пристыженъ поступкомъ въ Stafford House'ѣ... Я всегда говорилъ вамъ, многіе изъ нашихъ важныхъ, богатыхъ людей не правы въ этомъ дѣлѣ, какъ всегда они бываютъ, но сама нація права.

„Дама, католичка, одна изъ моихъ друзей, огорчена тѣмъ, что я ничего не сказалъ о русскомъ образѣ дѣйствій, принуждающемъ поляковъ къ уніатству, и присылаетъ мнѣ маленькое анонимное сочиненіе: *Les Missionnaires Moscovites chez les Ruthenes-Unis* (Paris Турогр. Poloner et Joseph.), въ которомъ плачевныя повѣствованія. Знакомы ли вы съ нимъ? или можете ли мнѣ сказать, гдѣ и подъ какимъ заглавіемъ можно достать русское объясненіе Польскаго вопроса. Къ чести моей пріятельницы долженъ сказать, что на Восточный вопросъ она, повидимому, смотритъ такъ же, какъ вы и я.

„Наступаетъ время, когда слѣдуетъ смотрѣть со страхомъ на начало Рождественскихъ праздниковъ въ Турціи. Завтра, какъ видно, назначенъ день появленія великаго обмана для всѣхъ, конституція, которая, надѣюсь, провалится. Да пошлетъ Богъ въ своемъ милосердіи, правотѣ и справедливости избавленіе.

Пожелать ли вамъ счастливыхъ праздниковъ? Да, тревожны они, конечно, будутъ; но вы ищете справедливости, надѣетесь на нее, боретесь за нее, такъ что праздники, бывъ тревожными, могутъ быть и счастливыми“.

Вопросъ о преслѣдованіи уніатовъ задѣлъ за живое Ольгу Алексѣевну. Брошюра показала ей католическимъ пасквилемъ, и она это сказала съ присущей ей горячностью. Но Гладстонъ, зорко слѣдя за всякой попыткой чернить Россію, возвращается ко дню Рождества.

„Я вполне раздѣляю ваше впечатлѣніе о католическомъ партизанствѣ и нахожу, что тамъ, гдѣ оно есть, оно существуетъ къ величайшему вреду. Но, конечно, было бы большой ошибкой не замѣчать фактовъ, вмѣсто того, чтобы ихъ обнаруживать и опровергать.

„Въ то же время я далекъ отъ мысли, что вы какъ бы то ни было должны предпринять такую обязанность. Также мои взгляды на Восточный вопросъ не руководимы отношеніемъ къ какому-нибудь спорному дѣлу въ Туркестанѣ, Польшѣ или другомъ мѣстѣ. Когда я спрашивалъ, можете ли вы мнѣ доставить объясненіе съ русской стороны это было по старой привычкѣ мысли, особенно необходимой для политика, заставляющей его желать выслушать обѣ стороны, когда ихъ двѣ. Это желаніе положительно вызвано у меня со времени моего послѣдняго письма. Я получилъ отъ анонимной дамы эту черную книгу, о которой вы, мнѣ кажется, какъ-то упоминали. Вступительное изложеніе въ ней произвело на меня отталкивающее впечатлѣніе, потому что оно обращено къ британскому эгоизму и написано въ туркофильскомъ или анти-русскомъ духѣ, но оно содержитъ необыкновенно важные факты, могущіе внушить ужасъ тѣмъ, кто ихъ приметъ, и которые заслуживаютъ, по моему мнѣнію, и громко требуютъ опроверженія. Они совершенно личнаго характера касательно именъ и мѣстностей, хотя числа, я думаю, рѣдки и неясны. Вотъ на подобныя сочиненія въ англійской печати, я думаю, было бы хорошо, чтобъ обращали вниманіе агенты какой бы то ни было иностранной державы. Я могу понять, что обстоятельства Россіи въ Польшѣ допускаютъ и даже извиняютъ строгія мѣры, но я долженъ надѣяться, что девятнадцать изъ двадцати фактовъ, сказанныхъ въ Черной книгѣ, могутъ быть успѣшно отрицаемы. Я поражаюсь, какъ „Pall Mall Gazette“, которая думала произвести шумъ по поводу Юмудскаго дѣла, не ухватила за эту книгу. Если она добивается быть замѣченной, я не удивлюсь, если она произведетъ порядочный эффектъ, прежде, чѣмъ на нее отвѣтятъ. Я увѣренъ, что вы истолкуете снисходительно все сказанное мной, а я постараюсь теперь описать мое настроеніе относительно главнаго вопроса.

„Повидимому, мы и вся Европа должны представлять рекомендаціи сообща съ вами и получить отказъ, одинаково на насъ дѣйствующій.

Поэтому мы всѣ должны удалиться, сложить руки и предоставить Россіи быть оружіемъ Европы.

„Это меня изумляетъ. Я не понимаю и не нахожу удовольствія въ этомъ удаленіи въ тѣнь. Я думаю, что Европа не имѣетъ права возлагать на Россію безраздѣльную отвѣтственность или воздавать

ей безраздѣльную честь. Мнѣ казалось поведеніе Пруссіи и Австрій, во время Крымской войны, довольно низкимъ, и мнѣ не понравится; если мы ему будемъ слѣдовать. Справедливость къ Россіи, къ туркамъ, къ раю, все требуетъ, по-моему; другого направленія.

„Жена моя будетъ очень рада видѣть васъ или получить извѣстіе. Она ѣдетъ завтра; приглашеніе дочери можетъ отнять у нея время. Повторяя самыя лучшія желанія вамъ по случаю торжественнаго наступленія Рождества, остаюсь искренно преданный

Е. Гладстонъ”.

Ольга Алексѣевна отвѣчала поздравленіемъ его съ днемъ рожденія и указывала на невозможность отвѣчать подробно на всѣ клеветы католическихъ враговъ Россіи. Гладстонъ отвѣчалъ:

Гоуарденъ, 29 декабря 1876 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я очень тронутъ вашимъ поздравленіемъ съ важнымъ событіемъ, приключающимся со мной сегодня. Годы мои промелькнули. Я надѣялся, что каждый изъ нихъ, уходя, оставитъ меня нѣсколькими ступенями далѣе отъ шума и народной борьбы. Сегодня все это не такъ: я иду назадъ, а не впередъ. Все же сожалѣть нечего, когда принимаю во вниманіе теперешнее значеніе минуты и какъ бы торжественный призывъ въ моихъ ушахъ, сдѣлать то небольшое, что въ моихъ силахъ, для моихъ собратьевъ-христіанъ на Востокъ. Я послалъ вамъ вчера „Les Missionaires Moscovites“. Не думайте, что я ихъ рекомендую, и еще разъ позвольте мнѣ сказать, что не вамъ я проповѣдую политику отвѣтовъ на важныя нападенія. Когда я увидѣлъ вашу фамилію на страницѣхъ черной книги, я оставилъ ее, просто, безъ вниманія, потому что тамъ не было никакихъ подробностей мѣста, числа или обстоятельства. Но по мѣрѣ того, какъ я продолжалъ, я не могу выразить, какъ меня поражаютъ въ этой брошюрѣ, напримѣръ, свѣдѣнія о двухъ лицахъ „Береша и Густъ“, которыя должны обратить вниманіе вашего посольства и правительства. Это рассказы, которымъ несомнѣнно повѣрятъ въ Россіи, если ихъ не опровергнуть.

„Я еще не благодарилъ васъ за предложеніе мнѣ „Россіи“ Уоллеса: позвольте подождать немного, пока я самъ приѣду въ городъ за ней, если вы находите ее стоящей чтенія. Къ сожалѣнію, у насъ много пишется дрянн на вопросы дня, вѣроятно, въ томъ расчетѣ, что, когда аппетиты разгораются отъ событій, публика не слишкомъ требовательна къ качеству пищи.“

Опять, дай намъ Богъ успѣхъ въ Константинополь и переходъ отъ придирокъ и обмана къ свѣту яснаго дня. Желаю вамъ счастливыхъ Рождества и Новаго года, когда они настанутъ.

Всегда вашъ искренно

Е. Гладстонъ.

Р. S. Говоря о хорошихъ и дурныхъ книгахъ, самая лучшая англійская книга, какую я знаю, по Восточному вопросу, это объемистый томъ Miss Juby и Miss Mackenzie подъ названіемъ: Турки, Греки, Славяне. Разказы о Сербіи въ ней очень интересны и это, что рѣдко встрѣчается, старательно написанная книга“.

Наканунѣ Рождества Ольгѣ Алексѣевнѣ писалъ Фриманъ, напоминая ей ея обѣщаніе провести Новый годъ въ Сомерлизъ и повторяя свое излюбленное слово, что Лондонъ не Англія, онъ пишетъ:

24-е декабря.

„Я именно ожидалъ бы получить письмо отъ вашего брата, но я надѣюсь, что вы ему вполне дали понять, что еврей Дизраели не есть Англія и что лондонскіе свѣтскіе круги тоже ее не представляютъ. Я, конечно, не могъ предвидѣть обмана со стороны лорда Карнарвонъ или отъ сэра Стаффордъ Норкотъ; но они унизились, сидя въ совѣтѣ нечестивыхъ, потому я полагаю, что они выполняютъ законъ, что человекъ не можетъ коснуться грязи и не запачкаться“.

Константинопольская конференція собралась въ первый разъ 23-го декабря. Въ тотъ же день была провозглашена, Митхатъ-пашей, новая Оттоманская конституція. Слѣдующія засѣданія были 28-го, 30-го декабря, 1-го января и послѣднее 15-го января. Державы представляли свои предложенія, на которыя турки возражали, потомъ предъявили собственныя контръ-предложенія. Въ концѣ концовъ въ засѣданіи 15-го января предложенія державъ свелись къ двумъ пунктамъ, какъ несокращаемый минимумъ реформъ. 1-й былъ, чтобы губернаторы, назначаемые султаномъ съ согласія покровительствующихъ державъ, были назначены въ болгарскія провинціи, въ Боснію и Герцоговину; 2-й, чтобы международная комиссія, назначенная Европой, безъ исполнительной власти, имѣла надзоръ надъ установленіемъ преобразованій въ управленіи Балканскими княжествами. Этотъ несокращаемый минимумъ единодушно требовался отъ турокъ всѣми державами Европейскаго концерта.

Рѣчь лорда Солизбери была какъ нелзя лучше желать; но турки не слушали Солизбери, они слушали Биконсфильда. Они помнили его рѣчь въ Гильдхолѣ. Ихъ постоянно увѣряли его органы

печати, что Англія никогда не приметъ участія въ принудительныхъ мѣрахъ, чтобы заставить Европу вліять на султана, и многіе самыя крикливыя биконсфильдовскіе органы объявляли, кстати и некстати, что если бы Россія попыталась заставить турокъ подчиниться волѣ Европы, она бы встрѣтила отпоръ въ британской арміи и флотѣ. Оставалось одно возможное положеніе, чтобы сильныя слова лорда Солизбери были поддержаны рѣшимостью употребить силу, чтобъ вызвать покорность. Не нужно было собирать международный крестовый походъ; нужно было, чтобы Англія совмѣстно съ Россіей заставила турокъ сказать „кирнетъ“, признавая, что воля Аллаха была безспорно очевидна въ его глазахъ. Къ несчастью совмѣстнаго понужденія Турціи Россіей съ Англіей меньше всего желалъ лордъ Биконсфильдъ! Онъ все еще жаждалъ англо-турецкаго союза, а друзья его прилежно возбуждали антирусскія чувства, на которыя онъ рассчитывалъ опереться со временемъ, чтобъ подвинуть Англію на войну съ Россіей. Турки, убѣжденные въ симпатіяхъ лорда Биконсфильда, не могли отрѣшиться отъ мысли, что въ крайности всегда могутъ рассчитывать на поддержку Англіи. Они отказались отъ несократимаго минимума конференціи, какъ несогласнаго съ неприкосновенностью, самостоятельностью и достоинствомъ имперіи. Къ этому рѣшенію пришли 18-го. 20-го конференція была распущена, и Европа стала лицомъ къ лицу съ неизбежной войной.

Легко себѣ представить, съ какимъ лихорадочнымъ интересомъ Гладстонъ и англійская нація слѣдили за событіями въ Константинополѣ. Гладстонъ опять сообщалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ свои сомнѣнія и надежды. На Новый годъ онъ писалъ:

„При чтеніи телеграммъ съ Востока я положительно прихожу въ недоумѣніе. Въ одной—угрожающій намекъ лорда Солизбери и положительный отказъ султана; въ другой—обсужденіе подробностей съ огромными планами и расположеніями и приведеніе разногласія къ минимуму. По-моему, необходимо ни на іоту не мѣняться, и я думаю, что таково мнѣніе и большинства англійскаго народа. Не сожалѣю объ уходѣ сэра Генри Елліота, если это правда“.

На слѣдующій день онъ возвращается къ тому же предмету:

Гоуарденъ, 2-е января 1877 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Мои убѣжденія о положеніи дѣлъ не имѣютъ никакого значенія. Все же они уже извѣстны всему міру, и каждый день ихъ укрѣпляетъ.“

„Всякій планъ, удерживающій власть Турціи въ предѣлахъ

географическихъ границъ, принятый какъ санкція администраціей, въ моихъ глазахъ никуда не годенъ.

„Это относится какъ до гражданскихъ властей, такъ и до силы военной или полицейской, на которую должна опираться гражданская власть для исполненія своихъ рѣшеній.

„Пока власть находится у Порты, въ гражданскихъ дѣлахъ невозможно устранить господствующее магометанское вліяніе изъ ея отношеній къ не-исламу. Довѣріе къ турецкимъ обѣщаніямъ не что иное, какъ презрѣнный фарсъ.

„Гарантія, зависящая отъ Турціи, вовсе не есть гарантія.

„Должна ли Порта имѣть какой-нибудь голосъ или вето относительно состава новыхъ властей, какъ было предположено въ Греціи первоначальнымъ протоколомъ 1826 г.—другой вопросъ, но, конечно, это не долженъ быть правящій голосъ.

„Если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, находящимся въ газетахъ (а другихъ свѣдѣній я не имѣю), полагаю, что всѣ труды цѣлаго года кончатся неудачей. Напримѣръ, постановленіе, чтобы создать пробную систему, и чтобы державы вновь собрались и рѣшили: выполнила ли Турція свои обѣщанія? Всякая исполнительная власть, оставленная въ ея рукахъ, мнѣ кажется, прямой насмѣшкой.

„Повторяю: настоящее положеніе переговоровъ мнѣ совершенно неизвѣстно, сужу по слухамъ! Вѣрьте моей искренней преданности

Гладстонъ.

Я не отрицаю, что то, что я называю насмѣшкой въ настоящее время, можетъ имѣть цѣну въ будущемъ, какъ открытая дверь, въ которую намъ придется войти.

Р. S. 2 ч пополудни. Радъ видѣть, что турецкій контръ-проектъ отстраненъ согласно сегодняшнимъ извѣстіямъ. Какое нахальство!“

Было бы полезно для общаго мира и для будущности Востока, если бы преобладали совѣты Гоуардена вмѣсто Константинопольскихъ.

Сообщено Е. С. М.

